

DOI: 10.30842/ielcp230690152449

Т. В. Топорова
(Институт языкознания РАН)

О ДРЕВНЕГЕРМАНСКОМ ЭТНОЛОГИЧЕСКОМ МИФЕ (О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЕРМАНСКИХ ПЛЕМЁН)¹

Объектом изучения является этнологический миф, содержащий комплекс представлений о возникновении племенной дифференциации древних германцев (ингвеонов, герминонов и истевонов в классификации Тацита). Цель автора заключается в интерпретации этнологии исходя из **единого** источника — *космогонии*. В результате исследования продемонстрирован изоморфизм этногенеза и космогенеза в древнегерманской мифопоэтической модели мира и конституирование этнонимов на основе деифицированных агенсов.

Ключевые слова: древнегерманские языки, этнологический миф, мифопоэтическая модель мира, теонимы, этимологический анализ, семантическая реконструкция.

T. V. Toporova
(Institute of Linguistics, RAS, Moscow)

About the Old-Germanic ethnological myth (on the origin of the Germanic tribes)

The article is devoted to the study of the interaction between language and myth; in this case the main task consists in the reconstruction of Old Germanic mythopoetic tradition based on linguistic data. The author's goal is to interpret different versions of the model of the universe based on a single source — cosmogony. The object of study is an ethnological myth containing a set of ideas about the origin of tribal differentiation of the ancient Germans (ingveons, herminons and istevons in the classification of Tacitus). The method of analysis in diachrony is linguistic reconstruction, which allows us to discover the «original» meaning of a word and get to the origins of the formation of its semantics. The author believes that the choice of cosmogony as a «key point» allows us to see the structure of the mythological system, establish trends in its development, and arrange other myths in a certain order, taking into account their connection with the myth of creation. The isomorphism of the creation myth and its transformation in another sphere — ethnological — is considered on three levels: general ideas abstracted from a specific language embodiment; semantic motivations (or nomination principles) of the corresponding concepts

¹ Данная статья выполнена в рамках гос. задания Ияз. РАН, но размышления на эту тему возникли в результате работы по гранту РФФИ №16-04-00373 «Контакты и заимствования в становлении языковых и литературных традиций», рук. В. Я. Порхомовский, И. И. Чельшева (2016–2018 гг.).

implemented with the help of various language elements, and lexemes that are genetically derived from a common root. As a result of the study, the isomorphism of ethnogenesis and cosmogenesis in the Old Germanic mythopoetic model of the universe and the constitution of ethnonyms based on deified agents are convincingly demonstrated. The cosmogonic substratum of the Germanic concept of ethnogenesis is obvious, since the initial link in the chain of transformations that resulted in the formation of three main tribal groups was one of the first elements of the Germanic myth of creation — the earth. In addition, the ethnogonic as well as cosmogonic myth implements the idea of duality, the union of both male and female traits in one character, cf. Ymir, the progenitor of the giants, whose body served as the substance for creating elements of the cosmized universe, and the God Tuiston.

Keywords: Old Germanic languages, ethnological myth, mythopoetic model of the universe, theonyms, etymological analysis, semantic reconstruction.

Важнейшим свидетельством германской этногонии с полным правом считается сообщение Тацита (Germ., cap. 2), которое ввиду его исключительной ценности следует процитировать без сокращений: «Celebrant carminibus antiquis Tuistonem deum terra editum et filium Mannum, originem gentis conditoresque. Manno tres filios assignant, e quorum nominibus proximi Oceano Ingaevones, medii Herminones, ceteri Istaevones vocantur «В древних песнопениях они славят порожденного землей бога Туистона. Его сын Манн — прародитель и праотец их народа; Манну они приписывают трех сыновей, по именам которых обитающие близ Океана прозываются ингвеонами, посередине — гермионами, все прочие — истевонами» (пер. А. С. Бобовича). В этом отрывке из произведения Тацита обращает на себя внимание ссылка на оригинальные германские поэтические памятники (carminibus antiquis ‘в древних песнопениях’); упоминание древности интересующих нас сведений и их фиксации в поэтической форме указывают на их функционирование в рамках древнегерманской мифопоэтической традиции². Следует отметить и еще одно обстоятельство: по всей вероятности, римлянам передали эту информацию истевоны, перечисленные в самом конце и в отличие от двух других германских племенных групп не снабженные никакими пояснениями (Vries 1970, 1: 486). Эта гипотеза кажется весьма правдоподобной, поскольку отсутствие самохарактерис-

² Ср. также другие аргументы, подтверждающие принадлежность рассматриваемых нами фактов именно древнегерманской традиции: assignant ‘они (= германцы) приписывают’, vocantur ‘называются’.

тики непосредственного участника коммуникативного акта вполне естественно. Приводимый выше фрагмент текста Тацита нуждается в некоторых комментариях: в частности, локализация «близ океана» (*proximi Oceano*) интерпретируется как расположение у берегов Северного и Балтийского морей, а также Северного Ледовитого океана³.

Представим в виде схемы этногоническую версию германских племен в изложении Тацита, основанном на данных древнегерманской мифопоэтической традиции:

земля (одна из стихий германского космогенеза; *terra editus*)

лат. *Tuisto* < герм. **Twisto*, н-основа, ср. др.-фриз., ср.-н.-нем., ср.-нид. *twist*, ср.-в.-нем. *zwist* ‘распря, ссора’, букв. ‘раздвоение’, нем. *Zwitter* ‘гермафродит’, *Zwillng* ‘близнец’ к др.-исл. *tveir* ‘два’ и др. (Vries 1977: 602)

лат. *Mannus* < герм. **Mannus* (< **manu-*), готск. *manna*, др.-исл. *mannr*, др.-англ. др.-сакс. др.-фриз., д.-в.-нем. *mann* ‘человек’, др.-инд. *Mānu-* ‘Ману, предок (человека)’, *mānu-* ‘человек’, рус. *муж* и др. (Vries 1977: 374).

[готск. *mana-sēþs* ‘человечество’, букв. ‘человеко-сев’ или ‘бога Манна сев’⁴].

Ingaevones (или по версии Плиния⁵ **Inguaeones**) < теоним Инг (герм. **Ingwaz*, тох. А *onk*, тох. В *enkwe* ‘человек’ (Vries 1977: 678)⁶.

Herminones < герм. *Erminones* < теоним бога Ирмина⁷ (герм. **ermina-*, **ermana-* (др.-сакс. *Irmin-sul*⁸, название вященного столба саксов, др.-сакс. *irmin-man* (второй член композита

Istaevones (у Тацита), **Istraeones** (у Плиния) < теоним бога Истра, идентифицируемого с Воданом¹⁰ (**Istraz* < **ist-*: **aist-* & **-ra-*¹¹, готск. *aistan* ‘бояться, почитать’ (Vries 1970,

³ Ср. в этой связи анализ различных интерпретаций (Ganina 2001: 57).

⁴ Эта интерпретация предлагается Н. А. Ганиной, допускающей принадлежность готской лексемы к сакральной сфере («лексике сакральных текстов, хранимых в устной традиции») и приводящей типологическую, а отчасти и этимологическую параллель — древнеанглийский композит с идентичным вторым компонентом — *god-sæd* ‘Бога посеv’ (Ganina 2001, 18–19).

⁵ Ср.: Pliny 2007, кн. IV: 96, 99.

⁶ По поводу этой этимологии Ян де Фрис замечает: «sehr einleuchtende Erklärung, nur zu bemerken, dass die Bed. ‘Mann’ für einen Götternamen recht blass ist» (Vries 1977: 679); со второй частью этого высказывания

‘человек’), *irmin-thiod* (второй член композита ‘народ’), *irmin-got* (в «Песне о Хильдебрандте»; второй член композита ‘бог’), др.-исл. *Iǫrmun-gandr*, букв. ‘великая палка’, название Мирового змея, *Iǫrmunr* имя Одина, *iǫrmini*, обозначение быка, *iǫrmin-grund*, др.-англ. *eormen-grund* (второй член композита ‘земля’); герм. **ermina-*, **ermana-* ‘происходящий от бога, относящийся к богу, божественный, священный’ > ‘большой, могучий’ (ср. др.-инд. *Aryaman*, др.-ирл. *Eremon* (имя героя) (Vries 1970, II: 16)⁹.

II: 35), др.-исл. *eir* ‘милость, мягкость, помощь’, также имя богини <**aiziō*, западногерманские имена матрон *Alaesiagis*, *Alaisiagis* (Vries 1977: 97)).

Нельзя не снабдить данные, почерпнутые из сообщения Тацита, некоторыми пояснениями.

трудно согласиться, если принять во внимание, что потомки Инга ингвеоны произошли от бога Манна, букв. ‘человека’, а тенденция использовать в имени сына тот же принцип номинации, что и в имени отца (или даже включать в двучленное имя сына один из компонентов имени отца), с тем чтобы вместе с ним передать по наследству и все положительные черты родителя, широко распространена в германской ономастической концепции.

⁷ Ян де Фрис отождествляет бога Ирмина со старым древнегерманским богом неба **Tīwaz* (Vries 1970, II: 16).

⁸ Видукин в «Истории саксов» (10 в.) соотносит Ирмина с культовым столбом саксов Ирминсуль (по-видимому, культовый аналог Иггдра-сила, мирового древа скандинавской мифологии) (Mify narodov mira 1980: 565).

⁹ Ср. отнесение древнеиндийского теонима к другому индоевропейскому корню (Lehmann 1986: 100).

¹⁰ Ян де Фрис отождествляет Истра с Воданом на том основании, что истевоны обитали в нижнем течении Рейна, где был широко распространен культ Водана (Vries 1970, II: 35).

¹¹ И.-е. суффикс *-ro-* продуктивен при образовании теонимов, ср.: д.-в.-н. *Donar*, др.-инд. *Indra*, *Rudra* (Vries 1970, II: 35).

Во-первых, все три германских этнонима представляют собой патронимические образования. В их деривации используется суффикс *jan-* (лат. *-aeones* < герм. *-aians*), а основу образуют теонимы (ингвеоны — почитатели бога Инга, эрминоны — Эрмина, Ирмина или Тива, истевоны — Водана (Vries 1970, I: 486)). Пара ‘бог Манн’ (лат.-герм. *Mannus*) — ‘человечество’ как ‘посев бога Манна’ (*mana-sēps*) находится в русле той же тенденции. Экстралингвистическая интерпретация языковых фактов отсутствует, так как вопрос о том, являлись ли первые племенные объединения германцев культовыми сообществами, до сих пор остается открытым. Что же касается природы самих богов, родоначальников племенных групп, то наблюдается довольно интересная картина: Инг трактуется как бог *нижнего* мира, связанный с аграрными культурами и плодородием¹², а остальные боги — Эрмин (/Ирмин), отождествляемый со старым германским богом неба (о.-герм. **Tīwaz*¹³) и Истр (о.-герм. **Istraz*), отождествляемый с Воданом (о.-герм. **Wōdanaz*), имеющим отношение к метеорологическим явлениям (грому и ветру)¹⁴, — как боги *верхнего* мира¹⁵. По классификации Дюмезиля в теонимах, от которых были образованы этнонимы, обозначающие три племенных группировки древних германцев, отражены две

¹² Таковую интерпретацию предлагает Ян де Фрис на основании древнеанглийской «Рунической поэмы», в которой говорится о том, что Инг путешествовал по морю (*ofer wæg gewāt*), и за ним следовала колесница (*wæn æfter ran*). Этот эпизод рассматривается как погребальная поездка по морю в связи с находкой колесницы из знаменитого Осебергского захоронения (Vries 1970, II: 166).

¹³ Герм. *Tīwaz* < **deywos-* ‘бог’ < **dey-* ‘сиять’, **dey-w-* ‘небо, бог небес’ (IEW 183–187), однако, в образе германского бога Тиу, как и Водана, наблюдается «проникновение нужд ... войны в верховную функцию» (Дюмезиль 1973: 137). Ср. различие в содержательной структуре скандинавских континуантов образов Тиу и Водана: «Если Один — бог военной магии, то Тюр сохранил функции, связанные с военным правовым обычаем» (Mify narodov mira 1982: 536).

¹⁴ См.: (Vries 1970, II: 76).

¹⁵ Ср. общепринятое мнение о наличии «шаманского комплекса» в образе Одина и о том, «что в генезисе он — хтонический демон, покровитель воинских союзов и воинских инициации, бог-колдун. <...> Водан-Один первоначально не входил в небесный пантеон богов, точнее он отражал темную сторону небесного бога, как Варуна» (Mify narodov mira 1982: 241); «Преобразование Водана-Одина в небесного верховного бога связано <...> с расщеплением первоначальных представлений о загробном мире и с перенесением на небо особого царства мертвых для избранных — смелых воинов, павших в бою» (Mify narodov mira 1982: 241).

функции: первая — магико-религиозная (Эрмин, Истр) — и третья — аграрная (Инг), вторая же функция — воинская —, столь характерная для более позднего этапа развития германского пантеона, не представлена; впоследствии она постепенно переходит к скандинавскому Одину, сильно потеснившему Тора. Анализируя теонимы и производные от них этнонимы, нельзя уклониться от описания содержательного аспекта номинации. Семантические мотивировки имен отражены в таблице:

Tuisto ‘двойной’ (нем. *Zwitter* ‘гермафродит’, *Zwillng* ‘близнец’, *zwei* ‘два’)

Mannus ‘человек’ (готск. *manna*, др.-исл. *mann*; др.-англ, др.-сакс, др.-фриз., д.-в.-нем. *mann* ‘человек’, др.-инд. *máni-* ‘человек’, русск. *муж* < и.-е. **men-* (IEW 700), кодирующее как физическое, так и ментальное возбуждение¹⁶, особую энергию)

<i>Inguaeones</i> ‘человек’ (тох. A <i>onk</i> , тох. B <i>enkwe</i> ‘человек’)	<i>Erminones</i> ‘происходящий от бога’ (> ‘великий’)	<i>Istaevones</i> ‘почитаемый’ (готск. <i>aistan</i> ‘бояться, почитать’)
--	--	--

Если рассматривать эту схему как определенный процесс, состоящий из нескольких, последовательно сменяющих друг друга стадий, то начальную фазу символизирует идея *сдвоенности*, нерасчлененности у Туистона, соответствующая хаосу в германской концепции космогенеза, следующий этап ассоциируется со спонтанным выделением *энергии*, образующейся вследствие расщепления сдвоенного объекта, и способствующей возникновению человека — Манна — и человечества (‘посева Манна’, готск. *manasēps*); этот мотив отражен и в германском мифе творения, ср. упоминание теплотворной силы, принявшей образ первочеловека Имира в «Младшей Эдде»), результатом цепи превращений является *человек* (*Inguaeones*), происходящий от *бога* (*Erminones*, *Istaevones*). Приводимая таблица убедительно демонстрирует изоморфизм этногенеза и космогенеза в древнегерманской мифопоэтической модели мира и конституирование этнонимов на основе деифицированных агентов.

¹⁶ Постулируемое Покорным для и.-е. **men-* значение ‘думать, мыслить’ отражает на наш взгляд лишь один из аспектов номинации.

Во-вторых, очевиден *космогонический* субстрат германской концепции этногенеза, поскольку исходным звеном цепи превращений, следствием которых явилось образование трех основных племенных групп, явилась одна из первостихий германского мифа творения — *земля*.

В-третьих, в этногоническом, так же как и космогоническом мифе реализуется идея *сдвоенности*, объединения и мужских, и женских черт в одном персонаже, ср. для имени Имира (др.-исл. *Ymir* <и.-е. **iemo-* ‘двойной плод, близнец’ — IEW 505), прародителя великанов, чье тело послужило субстанцией для создания элементов космизированной вселенной, и бога Туистона (лат. *Tuisto* к нем. *Zwitter* ‘гермафродит’, *Zwillng* ‘близнец’ и в конечном счете др.-исл. *tveir* ‘два’ — Vries 1977: 602), родоначальника племен. Естественно, Туистон и Имир¹⁷ принадлежат различным временным стратам — общегерманской и древнеисландской, хотя они и изофункциональны¹⁸. Показательно, что та же самая идея обнаруживается и в одной из версий германского космогонического мифа, в соответствии с которой карлики делают людей из земли, *единого* животворящего начала¹⁹. Эти представления воплощают концепцию самозарождения жизни, типичную для аграрных культов плодородия (Vries 1970, II: 364).

В-четвертых, особого упоминания заслуживают индоевропейские параллели к германской этногонической концепции, а именно генетическое родство германского бога Манна, первопредка людей, и древнеиндийского Ману, сына Вивашванта, а также фригийского Μάνης. Наличие этимологически родственных теонимов в трех ареалах позволяет восстановить индоевропейскую праформу, служащую для обозначения бога, первопредка людей — **Manu-*. Реконструированная Я. Пухвелом близнечная пара из двух персонажей — «*Twinn*» и «*Man*» (др.-

¹⁷ Сходство этих мифологических персонажей проявляется и в том, что каждый из них произошел от одной из первостихий: Имир — из капли воды, а Туистон — земли.

¹⁸ Ср. характерное высказывание Яна де Фриса: «Der aus der Erde geborene (terra editus) Tuisto ist natürlich nicht dieselbe mythische Vorstellung, wie der Urriese Ymir, aber es geht deshalb nicht an, zu behaupten <...>, dass sie nichts miteinander zu schaffen haben. Sie sind ja beide zweigeschlechtige Urwesen, das aber in dem einen Fall den Anfang der Schöpfung, in dem anderen aber den Urahn des Menschengeschlechts bildet, also derselbe Gedanke, aber auf verschiedene Weise angewandt» (Vries 1970, II: 364).

¹⁹ Ср. десятую строфу «Прорицания вельвы».

инд. *Yáma* — *Máni*, о.-герм. **Yumiz* — *Mannuz*, протолат. **Yemos* — **Viros*), в которой один олицетворяет «первого смертного, открывшего «врата смерти», а другой — основателя религиозного закона, учредителя культа» (Puhvel 1975: 156–157)²⁰. Что касается германского материала, фигурирующего в этой реконструкции, то на наш взгляд он нуждается в ревизии хотя бы потому, что в самой древнегерманской мифопоэтической традиции бог Манн, от которого произошли три основных племенных группы германцев, и первочеловек Имир, давший начало роду великанов, относятся к разным ареалам и временным срезам (общегерманскому и древнеисландскому) и, следовательно, никак не связаны друг с другом в рамках каких-либо общих мотивов или сюжетов. Никак не подвергая сомнению правомерность включения в реконструируемую Я. Пухвелом близнечную пару Манна, отметим, что фигурирование в ней Имира кажется нам проблематичным; судя по всему, обращение к этому мифологическому персонажу вызвано лишь наличием восходящих к тому же индоевропейскому корню деифицированных персонажей других традиций. Иными словами, сама ситуация как бы провоцировала втягивание Имира в поле зрения исследователя, если руководствоваться лишь языковыми факторами, прежде всего функционированием генетически тождественных корней, и абстрагироваться от семантики; если опираться на свидетельства древнегерманской мифопоэтической традиции, привлекая семантические параметры и при этом не пренебрегая и языковыми фактами, то на место Имира может претендовать его отец Туистон (семантическая мотивировка его имени такая же, как и у Имира: в ней реализуется идея *сдвоенности*). Если считать эту гипотезу имеющей право на существование, то окажется, что в германском ареале пару «*Twin*» и «*Man*» репрезентируют отец и сын — Туистон и Манн, о которых сообщается во второй главе «Происхождения германцев» Тацита.

Литература

- Ganina, N. A. 2001: *Gotskaya yazycheskaya leksika [Gothic pagan vocabulary]*. Moscow.
Ганина Н. А. 2001: *Готская языческая лексика*. М.
Mify narodov mira. Enciklopediya 1980–1982. 2 t. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow.
МНМ – *Мифы народов мира. Энциклопедия*. М.: , 1980–1982. 2 т.

²⁰ Цит. по: (Ganina 2001: 18).

- Pliniy the Elder. 2007: [Natural history. Book IV. About European countries]. Transl. and comm. by B. A. Starostin. In: *Questions of the history of natural science and technology* № 3. Moscow, 110–142.
- Плиний Старший 2007: Естественная история. Книга IV. О странах Европы. / Пер. и комм. Б. А. Старостина. В сб. *Вопросы истории естествознания и техники* № 3. М., 110–142.
- Tacitus Cornelius. 1969: [About the origin of the Germans and the location of Germany]. Essays in 2 vols. T. I. Vol. I. *The Annals. Small works.*] Ed. by A. S. Bobovich, Ya. M. Borovskiy, M. E. Sergeenko. Leningrad.
- Тацит Корнелий 1969: О происхождении германцев и местоположении Германии. Соч.: в 2 т. Т. I. *Анналы. Малые произведения.* Изд. подгот. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеевко. Л.
- Dumézil Gl. 1973: *Gods of the ancient Northmen.* Berkeley; Los Angeles.
- Lehmann W. P. 1986: *A Gothic Etymological Dictionary.* Based on the third ed. of *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache* by Sigmund Feist. Leiden.
- IEW – Pokorny, J. 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch.* Bern; München. Bd. I–II.
- Puhvel J. 1975: Remus et frater. In: *History of Religion.* Vol. 15, 146–157.
- Vries J. de. 1970: Altgermanische Religionsgeschichte. In: *Grundriss der germanischen Philologie*, 12/1. Dritte, unveränd. Aufl. Bd. I–II. Berlin: Walter de Gruyter & Co.
- Vries J. de. 1977: *Altnordisches etymologisches Wörterbuch.* Leiden.